

ДЖОН КЕННЕТ ГЭЛБРЕЙТ

Общество изобилия

Перевод с английского языка

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>С. Д. Бодрунов. О книге «Общество изобилия»</i>	vii
<i>Джеймс К. Гэлбрейт. Предисловие к первому русскому изданию</i>	xii
Введение к юбилейному изданию 1998 года	3
1. Общество изобилия	11
2. Концепция «расхожей мудрости»	17
3. Экономическая наука и традиция безысходности	35
4. Сомнительное утешение	50
5. Американские веяния	65
6. Марксистский туман	84
7. Неравенство	100
8. Экономическая защищенность	121
9. Главенство производства	149
10. Диктат потребительского спроса	168
11. Эффект зависимости	181
12. Рост производства и личный интерес	191
13. Грядет расплата по долгам	206
14. Инфляция	220
15. Денежно-кредитная иллюзия	236
16. Производство и устойчивость цен	251
17. Теория общественного равновесия	264
18. Баланс инвестиций	283

ОБЩЕСТВО ИЗОБИЛИЯ

19. Переход	296
20. Расторжение связи производства и гарантий заработка	306
21. Восстановление равновесия	313
22. Бедность и ее место в обществе изобилия	328
23. Труд, отдых и «новый класс»	340
24. О безопасности и выживании	356
Послесловие	363
<i>Игорь Ногаев. Заключение</i>	366
Именной указатель	370
Предметный указатель	373
Географический указатель	387

ОБЩЕСТВО ИЗОБИЛИЯ

I

БОГАТСТВО — ВЕЩЬ НЕБЕСПОЛЕЗНАЯ; по крайней мере, ни одна попытка доказать обратное успехом пока не увенчалась. Но несомненно и то, что богатство — беспощадный враг правильного понимания происходящего. Бедняк прекрасно знает, в чем его проблема и каково ее решение: у него мало денег, ему нужно больше. Богач же постоянно испытывает великое множество трудностей, подчас воображаемых, и оттого гораздо более смутно представляет себе способы их преодоления. Кроме того, пока человек не научится быть богатым, он рискует потратить деньги впустую или наделать еще каких-нибудь глупостей.

Всё это касается не только отдельного человека, но и целых государств и народов. Однако большинство из них имеют весьма недолгий опыт благосостояния. Все страны всегда были очень бедны, за исключением нескольких последних десятилетий — почти несущественный по историческим меркам срок. Да и касается это лишь относительно небольших территорий, населенных европейцами и их потомками. Именно на этих территориях, особенно в США, возникло невиданное доселе изобилие, о котором раньше можно было лишь мечтать.

Однако идеи и концепции, которые, по мнению жителей этих благословенных мест, определяют их существование и которыми они отчасти руководствуются в повседневной жизни, сложились отнюдь не в эпоху изобилия и процветания. Они порождены обществом, где бедность всегда была естественным уделом людей, не способных даже себе

представить, что можно жить иначе. И речь здесь идет вовсе не о той бедности, когда человек, мучимый завистью к достатку соседа, полагает себя бедным, а о настоящих страданиях, которые люди испытывают вследствие голода, холода и болезней. И даже получив временное избавление от этих бедствий, человек не мог предугадать, когда и где нищета настигнет его вновь, — ведь даже в лучшем случае голод всего лишь неохотно уступал место обычной в те времена нужде. Существование горстки очень богатых людей — тех самых, о жизни и делах которых сообщают нам письменные источники, — вряд ли помогало всему остальному народу легче переносить нищету.

Никто не взялся бы утверждать, будто идеи и концепции, которые объясняли жизнь в том мрачном царстве нужды, подходят для современных Соединенных Штатов. Мир прошлого был насквозь пропитан бедностью. О нашем времени этого уже не скажешь. Нет оснований думать, что насущные проблемы общества, терзаемого бедностью, актуальны в мире, где простому человеку оказались доступны такие блага цивилизации, какими всего лишь сто лет назад мог наслаждаться не всякий богач: разнообразная пища, развлечения, личный транспорт, водопровод и канализация. Изменения оказались столь радикальными, что современный человек порой не знает, что, собственно, ему нужно. Осознать свои потребности он способен лишь после того, как они будут придуманы, подробно проработаны и возвращены в нем усилиями специалистов по рекламе и технике продаж — эти профессии уже вошли в число важнейших и требующих наибольшего мастерства. А ведь еще в начале XIX века мало кому требовалась подсказка рекламщиков, чтобы понять, чего хотеть.

Было бы ошибкой утверждать, что экономические идеи и теории, появившиеся в эпоху всеобщей бедности, стали применять для описания общества изобилия в неизменном

1. ОБЩЕСТВО ИЗОБИЛИЯ

виде. Корректировок сделано множество, включая те, которых не заметили или недопоняли. Однако новые идеи встретили необычайное сопротивление. Радикальное изменение материального положения общества так и не получило должного осмысления в экономической науке. В результате во многом мы продолжаем руководствоваться идеями, которые зародились и работали в мире прошлого; как следствие, многие наши действия оказываются излишними, некоторые — неразумными, а то и безумными. Иные и вовсе ставят под угрозу наше нынешнее благополучие.

II

Вышеизложенное диктует и замысел этой книги. Первая задача — показать, что наши взгляды на экономику происходят из бедности, неравенства и экономических опасностей прошлого. Затем изучается вопрос о частичном и неявном приспособлении этих взглядов к условиям изобилия. Следующая задача — рассмотреть приемы и доводы, иногда продуманные, иногда поверхностные, а иногда разрушительные, при помощи которых нам удалось в основных вопросах сохранить преемственность с давними идеями, берущими начало в эпоху всеобщей бедности. Просто взять и принять всеобщее благосостояние как данность экономической жизни не получится; это непривычно и для многих неприемлемо. Такое допущение поставит под угрозу престиж и положение множества важных персон. Многим из нас такое допущение грозит кое-чем пострашнее: необходимостью учиться мыслить по-новому. Здесь новизне противостоит самый весомый из наших кровных интересов — стремление поменьше думать.

Наконец, освободившись из плена устаревших и необоснованных предубеждений, вытекающих из предпосылки всеобщей бедности, мы разглядим новые горизонты и новые

вызовы. Правда, сказать легче, чем что-либо совершить. Один из лучших способов уйти от решения необходимых и даже не терпящих отлагательства задач — изобразить, что энергично делаешь что-то уже сделанное.

Таков наш замысел. Но для начала нужно провести подготовительную работу. То, с чем мы имеем дело, — не просто какие-то устаревшие и невразумительные допущения, занимающие умы наших современников в силу их глупости и невежества. При всей распространенности подобных воззрений, они не так уж сильны. Дело в другом: всякое обсуждение общественных проблем подвержено сильному воздействию идей, которые привязывают нас к прошлому и порой заставляют возвращаться к постулатам, давно отжившим свой век. Необходимо признать, что мы в плену у этих идей, — иначе как же мы совершим побег? Об этом — следующая глава.

III

Не думаю, что кому-то эта книга покажется злой. Но кто-то, возможно, сочтет ее лишенной той обманчивой скромности, которая столь популярна ныне при обсуждении общественных проблем. Читатель быстро обнаружит, что я очень мало внимания уделяю известным идеям, которые в экономической теории считаются основополагающими, но больше размышляю о людях, эти идеи породивших. Все недостатки экономической науки проистекают не от изначальной ошибочности экономических идей и концепций, а от того, что некогда пригодные идеи, устаревая, не подвергаются изменениям, превращаясь в нечто священное и незыблемое. Всякий, кто критикует подобные теории, рискует прослыть человеком самоуверенным и даже агрессивным. Но всё же я верю, что критика в мой адрес не будет слишком поспешной. Если хлипкая дверь не выдерживает веса прислонившегося к ней человека, то осуждать его за непрошеное вторжение

1. ОБЩЕСТВО ИЗОБИЛИЯ

не вполне справедливо. Нужно принять во внимание еще и плачевное состояние двери.

Оригинальность и самобытность любой работы можно с легкостью раздуть до небес — особенно в этом преуспеет ее автор. Однако в настоящем сочинении крайне мало — или мне так кажется? — свежих мыслей, ранее не приходивших в голову другим экономистам. Многие читатели лишь поприветствуют мои попытки развить идеи, к которым они уже пришли сами, наблюдая за экономической реальностью. Другое дело, что в наши дни человек, позволивший себе даже мягкую критику, в глазах окружающих рискует уподобиться рычащему льву на фоне всеобщего благодушия. Сегодня представители всех общественных наук и приверженцы любых политических взглядов стараются не противоречить удобным общепринятым взглядам и концепциям. На ученого, вступающего в спор, смотрят как на смутьяна, оригинальность расценивается как признак неуравновешенности, и, будто в евангельской притче¹, слепой ведет слепого — по пути соглашательства и конформизма. Тех, кого устраивает такое положение дел, мое сочинение не порадует. Наверно, им лучше поставить его обратно на полку не читая, ведь в нем содержатся мысли невеселые, безрадостные, которые неизбежно привнесут разлад в столь уютный и комфортный мир устоявшихся идей.

IV

Пожалуй, ни один студент, изучающий общественные науки, не избежит в наши дни ощущения непостоянства изучаемых им общественных явлений. Мы видим, что жители Запада сумели вырваться из бедности, столь долго диктовавшей миру свою волю. Но достаточно всего лишь нескольких ярких

¹ «Оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф 15:14). — *Примеч. пер.*

ОБЩЕСТВО ИЗОБИЛИЯ

вспышек ядерных взрывов, чтобы опять погрузить человечество в беспросветную нужду, если оно, конечно, выживет. Рискну предположить, что изложенные здесь идеи помогут нам избежать этой участи. Пребывание в иллюзиях — комплексное заболевание. Богач, который прикидывается нищим и ведет соответствующий образ жизни, сбережет свое состояние, но едва ли это принесет ему счастье. Богатая страна, живущая по канонам общества, где преобладали нужда и бедность, упустит открывающиеся перед нею возможности. В трудные времена такая страна будет всякий раз назначать себе неправильный курс лечения, поскольку не знает истинных причин своей болезни. Именно такая тенденция, как увидит читатель, у нас сейчас и наблюдается.

Но не будем унывать. Не спору, общество изобилия в результате неверных представлений о себе самом может столкнуться с серьезными проблемами, рискуя вообще изобилия лишиться. Однако проблемы такого рода несравнимы с проблемами общества, пропитанного нуждой, где сама возможность размышлять и ошибаться уже является роскошью, а безысходность, увы, общим правилом.

КОНЦЕПЦИЯ «РАСХОЖЕЙ МУДРОСТИ»

I

Первое, что требуется для понимания современной социально-экономической жизни, — необходимость принимать во внимание связь между явлениями и описывающими их теориями, поскольку явления и теории живут отдельной друг от друга жизнью. Как ни парадоксально, явления и теории способны очень долго следовать по независимым траекториям.

Объяснение этому отыскать несложно. Экономическая и, шире, социальная жизнь не укладывается в рамки простых и ясных схем. Напротив, подчас она выглядит нелогичной, малопонятной, а зачастую и просто уму непостижимой. Но человеку необходимо объяснение и описание поведения экономики, поскольку присущие ему любознательность и самолюбие не позволяют игнорировать природу и характер всего того, что напрямую затрагивает его жизнь.

Поскольку экономические и социальные явления описать не так-то просто (ну или нам так кажется), а установить в ходе основательной проверки их истинность или ложность, по большому счету, не удастся, они предоставляют человеку прекрасную возможность, которой он лишен при изучении физических явлений: он в достаточно широких пределах может считать истиной всё, что ему нравится. То есть человек вправе придерживаться таких взглядов на окружающий мир, которые ему больше всего по душе и по вкусу.

И, как следствие, во всем, что касается описания общественных явлений, наблюдается непрекращающееся,

нестихающее противоборство между тем, что является истинным, и тем, что считается всего лишь приемлемым. В этом состязании стратегическое преимущество лежит на стороне того, что истинно, в то время как тактическое — всецело на стороне того, что приемлемо. Самая различная публика бурными аплодисментами приветствует именно то, что больше всего ей нравится. И в общественной дискуссии критерий публичного одобрения становится важнее критерия истинности, тем самым оказывая влияние на саму эту дискуссию. Оратор или публицист, намереваясь рассказать всю правду о нелицеприятных и даже шокирующих фактах, неизменно переходит к изложению того, что больше всего публика хочет от него услышать.

Подобно тому как истина служит достижению всеобщего согласия в долгосрочной перспективе, так и в перспективе краткосрочной эта же роль отводится приемлемости для общества. Получается, что теории зависят от того, одобрит ли их всё общество целиком или его часть. Если ученый стремится обнаружить научную истину, то какие-нибудь безымянные спичрайтеры или пиарщики стремятся отыскать ту истину, которая получила бы общественное одобрение. И если их труд общество одобрит, наградив рукоплесканиями, — значит, эти работники пера и пиара доказали свое мастерство. А если не одобрит, то это означает их профессиональный провал. Однако риск провала в наши дни можно в значительной степени свести к минимуму, если заранее прощупать реакцию целевой аудитории или же предварительно обкатать на ней речи, статьи и прочие тексты.

Приемлемость идеи или теории зависит от множества факторов. В очень значительной мере, конечно же, мы привыкли ассоциировать истину с удобством — с тем, что лучше всего соответствует нашим личным интересам и благополучию или обещает избавить нас от тяжелых трудов и жизненных неприятностей. А еще для нас в высшей степени

2. КОНЦЕПЦИЯ «РАСХОЖЕЙ МУДРОСТИ»

приемлемо всё, что максимально способствует повышению самооценки. Трудно себе представить, чтобы какой-нибудь оратор, выступая с речью, например, в Торговой палате США, позволил себе принизить роль предпринимателя как одной из движущих сил экономики. Те, кто выступает перед делегатами съезда АФТ–КПП¹, склонны отождествлять социальный прогресс прежде всего с мощью профсоюзного движения. Но, вероятно, самое важное свойство человека — одобрять то, что он лучше всего понимает. Как было отмечено выше, экономическое и социальное поведение — дело весьма сложное, осмысление его — занятие утомительное для ума. Вот мы и держимся, как за спасательный плот, за те идеи и теории, которые лучше всего поддаются нашему пониманию. Это и есть первейшее проявление личной заинтересованности. Ибо нашу личную заинтересованность в отношении собственных представлений мы храним как самое драгоценное сокровище. Именно поэтому люди зачастую чуть ли не с религиозной страстью встают на защиту понятий, усвоение которых далось им нелегко. В каких-то областях человеческого поведения близкое знакомство чревато взаимной потерей уважения², но во всем, что касается общественных идей и теорий, близкое знакомство, наоборот, ключевой критерий приемлемости.

Поскольку проверка на узнаваемость — важнейший критерий приемлемости, общепринятые идеи демонстрируют

¹ АФТ–КПП (*сокр. от* Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов; *англ.* American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations, *сокр.* AFL–CIO) — образованное в 1955 году крупнейшее в США объединение профсоюзов, на сегодняшний день включающее в себя 56 национальных и международных профсоюзов и представляющее интересы более 12 миллионов рабочих. — *Примеч. ред.*

² Выражение «familiarity breeds contempt» — «близкое знакомство чревато взаимной потерей уважения», «чем больше знаешь, тем меньше ценишь» происходит от уст. посл. «too much familiarity breeds contempt», которая происходит из *лат.* parit contemptum nimia familiaritas. — *Примеч. ред.*

невероятную стабильность. Они в высшей степени предсказуемы. Для удобства нужно дать собирательное имя всем тем идеям, которые всегда почитаются по причине их приемлемости, причем такое, чтобы этот термин еще и особо подчеркивал предсказуемость этих идей. Далее я буду использовать для их обозначения выражение «*расхожая мудрость*».

II

Расхожая мудрость не дана в удел какой-либо одной политической группе. По великому множеству современных социальных проблем, как мы увидим далее в этой книге, существует очень большое согласие. Ничто особо не отличает тех, кто по традиционной политической классификации относится к либералам, от тех, кого считают консерваторами. И те и другие вынуждены проходить проверку на приемлемость. По некоторым вопросам, однако, идеи подлежат подгонке под политические предпочтения конкретной группы людей. Склонность к подобной корректировке идей — умышленной, а чаще бессознательной — тоже не слишком сильно различается даже у разных политических групп. Консерватор склонен, не без примеси корысти, придерживаться всего знакомого и устоявшегося. На этом и основывается его проверка идей на приемлемость. Но ведь и либерал с нравственной горячностью, страстностью и даже с чувством собственной непогрешимости исповедует, опять-таки, наиболее знакомые ему идеи. И хотя они заметно отличаются от идей консерватора, их приемлемость не менее рьяно поверяется критерием всё той же приемлемости. Любое отклонение, любое оригинальничанье предается анафеме как измена или отступничество. «Старый добрый либерал», «испытанный и проверенный либерал» или «стойкий либерал» — это прежде всего человек в полной мере предсказуемый. То есть он зарекается от всяческого стремления к новаторству.

2. КОНЦЕПЦИЯ «РАСХОЖЕЙ МУДРОСТИ»

И американские либералы, и их британские единомышленники левых взглядов не так давно провозгласили курс на поиск новых идей. Но эта заявленная потребность в новых идеях в какой-то мере сама по себе стала заменителем новых идей. А вот политик, имеющий неосторожность неблагоразумно воспринять подобные заявления всерьез и выдвинуть по-настоящему новые идеи, рискует навлечь на себя большие неприятности.

Поэтому с неизбежностью приходится утверждать, что есть расхожая мудрость консерваторов и расхожая мудрость либералов.

Расхожая мудрость существует на всех уровнях интеллектуальной жизни. В общественных науках на самых высоких уровнях всякие подходы или утверждения, отдающие новизной, сопротивления не встречают. Напротив, постепенно накапливается внушительный запас идей, нарабатываемых с использованием механизма облечения старых идей в новые формы, при этом ценятся лишь те идеи, которые не слишком сильно противоречат старым. Активное обсуждение второстепенных вопросов как раз и позволяет отвлечь внимание от любых попыток пересмотра вопросов фундаментальных, считая такие попытки неуместными и избежав тем самым обвинений в ненаучном подходе или узости мысли. Более того, с течением времени и не без помощи академических дискуссий общепринятые идеи всё более оттачиваются и детализируются, обрастают массой литературы и даже покрываются завесой тайны. Защитники расхожей мудрости всегда имеют возможность упрекнуть тех, кто ее оспаривает, в недопонимании тонкостей и нюансов. Утверждается, что всю совокупность устоявшихся идей способен в полной мере оценить лишь человек непоколебимый, консервативный и терпеливый – короче говоря, человек, который сильно напоминает эталонного мудреца. Расхожая мудрость, будучи более или менее отождествленной с глубокой ученостью, оказывается

практически неуязвимой. Скептик лишается права голоса уже на том основании, что имеет дерзость отметить старое ради нового. По-настоящему образованный ученый на его месте хранил бы верность устоям расхожей мудрости.

В то же время на высших уровнях бытования расхожей мудрости новизна идей остается вполне приемлемой и даже приветствуется, однако лишь в самых общих словах. Но здесь расхожая мудрость, вместо того чтобы предложить что-нибудь действительно новое, делает подмену, активно защищая новое как таковое.

III

Как отмечалось, отличительной особенностью расхожей мудрости является ее приемлемость. Она обязательно должна быть одобрена теми людьми, к которым она обращена. Есть множество причин, по которым человеку нравится слышать то, что согласуется с его собственным мнением. Скажем, расхожая мудрость тешит самолюбие, поскольку человек испытывает удовлетворение от мысли, что и другие, куда более известные люди разделяют его взгляды. Услышанное со стороны подтверждение собственной правоты придает сил. Человек видит, что его умозаключения находят поддержку и что он не одинок. Более того, услышанное из чужих уст одобрение заставляет еще активнее продвигать свои идеи — а это значит, что другие тебя слышат и находятся на пути к обращению в твою веру.

В какой-то мере постоянное повторение положений расхожей мудрости — это религиозный обряд. Это такой же акт утверждения в вере, как чтение вслух Священного Писания или посещение церкви. Скажем, какой-нибудь высокопоставленный руководитель компании, выслушивая на званом обеде речи о непреходящих ценностях и достоинствах свободного предпринимательства, в убеждении не нуждается, он и так